

Джерела та література

1. Наливайко Д. Про співвідношення “декаденсу”, “модернізму”, “авангардизму” // Слово і час. – 1997. – № 11-12.
2. Франко І. Відгуки грецької і латинської літератур в українському письменстві // Франко І. Зібр. Творів: У 50 т. – Т. 30.
3. Франко І. Лисенкове свято в Австрії // Франко І. Зібр. творів. У 50 т. – К., 1986. – Т. 35.
4. Маланюк Євген. Творчість і національність // Маланюк Євген. Книга спостережень. Статті про літературу/ Упор. Г. Сивоконя. – К., 1997.
5. Гегель Г.-В.-Ф. Сочинения: В 14 т. – М.; Л., 1952. – Т. 13.

Summary

The Ukrainian literature in the general structure of the cultural process: the early modernism. The article is dedicated to the features of the early Ukrainian modernism in connection with the immanent tendencies of the national and cultural development.

А. И. Николаенко

Н. КУКОЛЬНИК ОБ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В январе 2002 года в Симферополе состоялась защита докторской диссертации В. И. Мацапуры на тему «Украинская тема в русской литературе первой половины XIX века (проблемы эволюции, мифологизации, интертекстуальности)». Среди признанных русских писателей, писавших на украинские темы (Н. Гоголь, Н. Нарежный, О. Сомов и др.) упоминалось и имя писателя Н.В.Кукольника. Вполне понятно, что эти писатели раскрывали украинскую тематику на русском. Но спрашивается, можно ли на этом языке подробно передать оттенки украинского колорита, бытовых особенностей тематики? Поэтому в данной статье рассмотрим, как пытался решать эту проблему в своем творчестве русский писатель Н.Кукольник.

Тема эта сегодня в литературоведении не раскрыта. Российские авторы на нее никакого внимания никогда не обращали, считая, что малороссы вполне могут обходиться русским литературным языком, что, кстати, успешно делали Е.Гребинка и Г. Квитка-Основьяненко. Такого же мнения придерживался и Н.Гоголь, уроженец Украины. В украинском же литературоведении, несмотря на то что здесь впервые обстоятельно на уровне диссертации рассмотрено творчество Н.Кукольника 1830–1850 годов, этот вопрос тоже оставлен без внимания. Только рассматривая повесть «Запорожцы», опубликованную уже после смерти Кукольника в 1885 году, по мнению харьковского ученого И.Черного, Кукольник удачно решает вопрос языка героев. «Перед нами слегка модернизированная для восприятия русскоязычным читателем живая и колоритная украинская речь, – пишет И.Черный. – Кукольник дает ее «живьем», без перевода, сопровождая лишь подстрочными примечаниями. Вот, например, образец речи Колпака: «Утирай, братику, пока у мене ноги нездужают. Хлопци, а хлопци, чи се мои ноги, чи не оставил я своих ног у Метелицы? Постой, детвора, посадите меня от туточки на лавку, да позовите куренных казаков, а вам со мною нездужать». Диалоги казаков пересыпаны типичными украинскими просторечными выражениями, типа «бисов сын», «чортма», «до биса», «гарно бреше» и т.д. [1, с.29–30].

Н.В.Кукольник современниками сегодня совершенно забыт, и не издавался в России более 150 лет. В историю литературы он вошел драмой «Рука Всеяшнего отечество спасла». К сожалению, другие произведения его забыты. Тем более не вспоминают о его отношении к украинскому языку. Упоминается только его отрицательный отзыв о «Кобзаре» Т.Шевченко, высказанный в частной беседе

Вообще Кукольник писал только на русском языке. И это естественно. Он даже советовал своему племяннику, уезжавшему на учебу за границу: «уж если придет тебе охота чем-либо гордиться, так гордись тем, что ты русский, и ты сам согласишься, что будешь гордиться не без основания, и что недостаток этой гордости к нашим соотечественникам вредит самостоятельным успехам нашего образования. Но и гордиться этим надо не на словах, а на деле, в твоей жизни, в твоих отношениях с людьми» [2, с.689].

Но если обратиться к произведениям этого русского писателя, мы можем найти неоднократные высказывания, относящиеся к Украине. Так, в романе «Альф и Альдона» Кукольник дает такое описание Киева: «Куда всему свету Божьему противу нашего Киева! Церкви, что стражи небесные, по горам, в золотых венцах горят; на Днепре города и монастыри будто плавают: нигде улицы таким многолюдством не чернеют. И красно! Поди, сыщи неграмотного неука, уже, сколько ни есть в Киеве детей, чуть утро, на свет Божий выползут, все на Андреевской горе, пишут, читают да считают. А станет в Киеве большой торг на Подоле, так и на Почайне повозки и лошади с трудом mestяться. Диво – не город. После Царь-града в свете первый» [3].

Судя по приведенному описанию, Кукольник неплохо знал Украину. Родившись в Петербурге в семье карпато-русского профессора, приглашенного Александром I для преподавания в России, он в

1820 году 11-летним переехал в Нежин, где поступил в Гимназию Высших наук кн. Безбородко. Здесь проучился до 1829 года. За время учебы у Кукольника был двухлетний перерыв, вызванный семейными обстоятельствами, когда на два года переехал в Житомир и поступил в уездное училище. Он прекрасно владел украинским языком, общался на нем, хорошо пел украинские песни, имел очень много друзей среди украинцев. Достаточно назвать такие фамилии как Н.Гоголь, Е.Гребинка, А.Мокрицкий, А.Лукашевич, Н.Маркович, В.Тарновский, а после окончания Гимназии – Т.Шевченко, М.Щепкин, О.Петров, А.Корсун, В.Даль. Г.Квитка-Основьяненко и другие. Современные киевские учены-музыканты в своих исследованиях жизни и творчества М.И. Глинки характеризуют Н.Кукольника «знатоком украинского фольклора» [4, с.145]. Изучая творчество Кукольника, я установил, что у него был интерес к этой проблеме. Можно даже отметить отдельные попытки её разрешение.

Целый цикл драматических произведений первого периода творчества Н.Кукольника имел итальянскую направленность. Но среди прозаических произведений второго периода творчества мы находим повести и рассказы на казачью тему. Причем, сюжет одного из таких рассказов «Вольный гетман пан Савва» взят из галицкой песни. Здесь тоже можно найти высказывания об Украине, но речь героев чисто русская. Тема Украины как Родины возникает в повести Кукольника «Максим Созонович Березовский» (1840). Говоря об Италии, герой повести вспоминает Украину: «Там, видите, все иначе, не так, как в других землях. Украина не то, чтобы народ какой был, а войско, казачество, рыцарство. И не то, чтобы войско, потому что есть помещики и мужики. Край чудесный, край богатый, вашему в Божьих дарах не уступит» [5].

И опять рассказ ведется на русском языке. Только однажды Кукольник делает попытку передать украинскую речь.

Кукольник не стремится создавать особый украинский литературный язык. Он только использует разговорную речь, так как сам прекрасно владел ею. Благодаря этому ему с фонетической точностью удается воспроизвести украинские фразы, и передать их на русском языке. Но ему также становится очевидным, что на этом пути нужный результат получишь не всегда. Российские писатели, которые пытаются воспроизводить украинское произношение, делают это со слуха. Поэтому, так или иначе, но все же имеют место искажения. Язык надо совершенствовать, чтобы местному населению было понятно, о чем идет речь, и отчетливо были видны тонкости речи действующих лиц. Возможно, нужен особый литературный украинский язык.

Кукольник знал хорошо историю Украины, особенно когда она входила в состав Великого Княжества Литовского, великолепно владел языками народов этого княжества: литовским, польским, белорусским, украинским. Ему было хорошо известно, что в XIV–XV веках население, жившее в этих землях, состояло из поляков, литовцев, литвинов и русинов. Русины населяли территорию от Дона (точнее, западнее речки Миуса) до Карпат. И язык в этих землях для населения был единым. Он распространялся на всю территорию Украины, Прикарпатья, Буковины и на регионы так называемого «Дикого Поля». Регионы, прилегающие к западным границам Княжества, испытывали на себе влияние польского, немецкого и мадьярского языков. Восток региона подвергался влиянию языка Московии, который, в свою очередь, постоянно подвергался влиянию угро-финских диалектов, распространявшихся в землях, присоединенных к Киевской Руси в XI веке.

Церковным языком был старославянский. Литературный русский язык создавался с его учетом. История говорит, что сделано было это усилиями нескольких поколений (Смотрицкий, Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, Шишков, Пушкин), в результате чего был создан искусственный литературный язык. Но создан он был на «подвалинах южно-русских» [6, с.4], т.е. на украинских диалектах.

Я кратко изложил эти общеизвестные истины [7, с.4], чтобы была понятна следующая цитата о языке из статьи Кукольника.

«У нас, – пишет он в 1841 году, – случилось противное: мы потеряли язык: знаменитые писатели заботливо старались русскому, богатому языку сообщить условность французского оборота, логическую точность и последовательность заменить благозвучным падением речи. Целые полчища иностранных речений ворвались в Русское слово... Народ не понимал своих знаменитых писателей; из подражания высшему сословию, почтительно ими восхищался, не замечая, что в этом высшем сословии, в случаях, когда решились употреблять отечественный язык, говорили шифрами, знаками, условным наречием, отнюдь не по-русски. А.С.Шишкову, Пушкину и немногими еще (в том числе любезным моим сотрудниками Н.И.Гречу и Н.А.Полевому) принадлежит честь первых правильных и успешных походов противу врагов языка, врагов по невежеству, привычке или фанатизму» [8, с.203].

Написано это именно во время, когда Николай I признал необходимым ликвидировать в бывших областях Речи Посполитой, входящих в Северо-Западный край России, униатскую церковь [9, с.99]. Кукольник прекрасно знал, что только церковь была основой культуры и благодаря ей народ просвещался [10, с.13.]. И Кукольник, как униат, конечно призадумался. Если русский народ не понимает язык русских писателей, то как и почему должен понимать литературу на этом языке народ украинский? Влияние польского языка здесь неизбежно, особенно в тех областях, которые часто переходили от Австрии к Польше (Забужье, Холмщина и Южное Подляшье) [11]. Он даже, как считают белорусские ученыe сегодня, в узком кругу своих единомышленников выдвинул идею возрождения Великого княжества Литовского под скипетром русского царя на основе белорусской культурной традиции. Однако эта идея не нашла широкой поддержки в правительственные кругах, поскольку ими же проводился курс на откровенную русификацию [12].

Видимо, с этим обстоятельством связано отрицательное высказывание Н.Кукольника о «Кобзаре» Шевченко. Правда, сохранилась запись в дневнике Н.Маркевича, где Н.Кукольник, говоря о «Кобзаре» Шевченко, с сердцем говорит: «теперь необходимо запретить языки: польский, малороссийский и в озтзейских губерниях немецкий!» [13, с.82]. Но, на мой взгляд, это высказывание отражает лишь точку зрения на русификацию, а не взгляд Кукольника на культуру украинского народа.

Понятно, с учетом изложенного, что периодически незаметно перед Кукольником возникала проблема украинского языка, особенно тогда, когда он касался украинской и особенно казачьей тематики. Печатая произведения Квитки-Основьяненко, Гребинки, Шевченко и др. в своих изданиях-альманахах и в журнале «Маяк», он ощущал ее. Остро встал перед ним она где-то в 1840 годах. В это время он начинает работу над большим эпическим полотном, где решил подробно коснуться истории Украины. По-видимому, рукопись романа пропала. Сохранилась только повесть «Запорожцы». Подробно описав картины жизни запорожских казаков, Кукольник не развивает действие, а ограничивается замечанием, что о дальнейшей судьбе героев «предание умалчивает». То, что повесть является только началом большого романа, следует из ее содержания. И готовили повесть к публикации потомки уже после смерти Кукольника.

В архиве Краевского удалось разыскать письмо Кукольника (1865 год), где он упоминает об этом романе: «Теперь я крепко занят приготовлением к печати большого романа из времен Петровских и Екатерины под заглавием «Курляндские претенденты». Тысячи мелочей поглощают мое время, но дня через два достигну берега» [14, л.27,27 об.]. Роман не был принят Краевским. Удалось установить, что лишь отдельный отрывок из него, под названием «Гатчинская машкарада» был опубликован в «Русском Вестнике» [15]. Поскольку еще раньше, в 1842 году в III выпуске альманаха «Сказка за сказкой» была опубликована повесть на эту же тему «Каролина» [16, с.13], можно считать, что над романом Кукольник работал более 20 лет.

Исторический период правления Екатерины II – это период, в который Украина окончательно теряет последние черты своего национального и культурного отличия. Это ликвидация Запорожской Сечи, закрепощение крестьян, образование малорусской коллегии, ведающей нивелированием национальных особенностей. Видимо, столкнувшись с задачей подробно описать это, в какой-то период Кукольник прервал работу над романом. Перед уходом в отставку в 1854 году, рассматривая свои незаконченные произведения, подводит итог проделанному и делает дневниковую запись, которая сохранилась. Здесь он упоминает, что работает над двумя большими романами – «Абрикосовое дерево» и романом, условно названным «Азовский». Они, по его словам, не должны совпадать. В последнем («Азовском») дается «картина богатого Крыма, и гениальные соображения Потемкина на Очаковской степи могут служить достаточным указанием» [17, л.5]. Но в последний момент писатель отказывается говорить об этих «гениальных соображениях» и решает обратиться к истории донского казачества. И вместо романа рождается драма «Азовское сидение», которую он называет «историческое сказание».

Почему Кукольник принимает такое решение? Вот что он записывает в уже упомянутой дневниковой записи: «Современной правды еще не выдержали, и можно себе на всю жизнь наделать хлопот, а в том виде как оно затяжно, может быть и патетически, и современно, и полезно, но непременно надо дать форму. Стегануть общество. Еще надо выждать, что скажут и чем решат под Севастополем. Разводить пары надо тогда, когда приходится ехать, а теперь – только даром топливо пропадает».

Как надо понимать эти «Правды еще не выдержали» и «стегануть общество»? Написано это в 1854 году. Россия терпела поражение в Крымской войне. И немаловажную роль в этом деле играла политика правительства Австрии. 200-тысячная армия Австрии находилась у границы России, а Петербургу был предъявлен ультиматум: уступить требованиям интервентов.

В Австрии стали закрываться русскоязычные газеты. На карпато-русских (а предки Кукольника вышли из этой этнической среды) оказывалось давление. Их начали вынуждать создавать специальный язык, делая его отличным от литературного русского языка. Создается особое «грутенское» движение [18, с.20–23]. Поэтому, как следует из этой записи, Кукольник рассчитывал в романе затронуть какой-то очень болевой момент из южно-русской (украинской) истории, как называется «стегануть общество». Поэтому он приостанавливает работу над романом (надо «выдержать современную правду») и выбирает «другую форму» – (драму – историческое сказание) «Азовское сидение», которым надеется «стегануть общество». Он полагает, что произойдет дискуссия, для того чтобы сообща выработать единое мнение по украинскому вопросу.

Он рассматривает то сложное и смутное время, когда запорожские казаки входили в состав Речи Посполитой, а донские казаки – в Россию (Московию). Широкая зона от средней России до Азовского моря именовалась тогда Диким Полем, которое формально находилось под властью Речи Посполитой. Ни для кого не было секретом, что запорожское казачество в этой ситуации находило для себя средства для проживания за московской границей, в том числе используя военное ремесло. Сохранившиеся донские акты дают ясное представление о том, что в это время имело место военное братство между казаками.

Вот это историческое событие и было выбрано Н.Кукольником за основу сюжета. Он начинает работу и издает «историческое сказание» «Азовское сидение» отдельной книгой в 1855 году тиражом в 500 экз. Сейчас она – библиографическая редкостью. [19].

Внимательно рассматривая драму, отметим, что среди действующих лиц есть два украинских казака. Ими выступает Мартын Петрович Заремба и Терешка Лещина. Заремба – казак запорожский. Он

роду шляхетского, который «сам хан Перекопский уважает». Правда, в Азов со своими он почему-то не попал, видать «больно умаялся», и в конце драмы оказывается предателем. Терешка – настоящий украинец. Он много поет, называет запорожцев злодеями и, в конце концов, при защите Азова погибает. Действие проходит на казачьем Дону в 1641 году.

Как общаются эти действующие лица в драме? На ломаном украинском языке говорит один Терешка. Вот слова Терешки:

*Ось десять годов як я на Лугани родной не був.
Тольки мини и осталось от мого солодкого краю,
Що бандура, та сердце. Нема у мене ни роду, ни хати.
Только и славы, що православный, а де ж мени Богу молыться?*

И подобных высказываний много. Называть это литературным украинским языком, конечно, нельзя. Но одна маленькая деталь, которая обычно остается незаметной. Казак, говорящий на чистом русском языке, оказывается предателем. Видимо, Кукольник хотел подчеркнуть, что тот, кто утратил связь с Родиной, потерял все качества, присущие казачеству (отвага, честность, находчивость). Он подчиняет все свои действия только идею предпринимательства и практически теряет родину. Нужно сказать, что подобное качественное явление имело место на практике и во времена самого Азовского сидения [20, с.9].

Второй герой, Луганский казак, явная противоположность запорожцу. Он весел, поет песни, шутит, а в нужный момент участвует в отражении врага и погибает. Вот одна из песен, которую он поет:

*« Ой, летіла зузуленька,
Через поле, гай:
Ой, згубила рябее перце
На тихій Дунай....*

*Ой, як тому рябенькому
Перцу на Дунаю,
Ой, так мини сиротини
На чужому краю.*

*Ой, покочу золотий перстень,
По крутой горі...
Пройшли мои літа с світа
Як лист по воді» (стр.13)*

Здесь, на мой взгляд, просматривается не что иное, как самовыражение Н.Кукольника. По справедливому замечанию литературоведа Б.Сарнова, «истинный поэт самовыражается невольно [...]. Настоящий поэт раскрывает себя неосознанно, непроизвольно – в каких-то случайных обмolvках, оборотах, синтаксических конструкциях. Он не прямо сообщает нам о себе, но как бы пр о г о в а р и а е т с я» [21, с.26]. Не транскрипция украинского языка, а именно каким он должен быть. Вот об этом проговаривается Н.Кукольник, умело используя такие фонетические знаки как Ѽ, и, і, оттеняя их. Еще не наступило время создания для украинского правописания знаков «ї, апострофа, є », а Кукольник решает задачу, практически несколько позднее сформулированную Кулишем [22], доступными ему правилами и нормами.

Хочется обратить внимание, что вместо обычного «летела», например, Кукольник использует украинское «лєтила». Казалось бы, можно было с не меньшим успехом применить обычное «летела». Что это? Мелочное упрямство, цепляние за одну букву, или просто причуда? Кукольник прекрасно знал русский язык. Но он прекрасно знал и украинский. И напиши он по-русски, он как бы преступил какую-то черту, отделяющую его героя от родной земли, земли предков. Но это не смогут понять простые обыватели той страны, у которой, как позднее скажет Н.Кукольник «есть жители, но нет граждан» [23, л.7 об.]. И применение восточно-украинского диалекта, характерного Луганщине, позволяет ему представить жизнь Украины того времени именно такою, какою она была на самом деле, с учетом казачьего говора.

Очень хорошо высказал идеологию этой мысли позднее основатель сионизма Жаботинский: «Русским языком называется у людей язык одного великорусского племени: ни украинского, ни белорусского языка этот термин не обхватывает. А русской национальной культурой называется культура, созданная на этом языке. На языке великороссов и только великороссов, а не на каком-то отвлеченному «среднем» из трех языков. Ибо такого среднего и на свете нет [...]. Русский язык и русская культура ни для кого, кроме великороссов, не является природным [24, с.137-138].

Несколько слов в обоснование выбранного Н. Кукольником способа решения стоящей перед ним языковой проблемы. Казалось бы, историческим документом, дающим ответ на стоящий перед Кукольником вопрос, есть «Слово о полку Игореве». Конечно язык «Слова» – это язык Киевской Руси, но лингвистические формы имеют особенность видоизменяться во времени и с разной скоростью [25,

с.4]. И язык, как Донского казачества, так и запорожского времен взятия Азова, мог отличаться от языка Киевской Руси.

Н. Кукольник провел длительную и серьезную работу по изучению говора донского казачества. В одной из своих записных книжек Кукольник записывает: «Я жил тогда в Новочеркасске: изучал прилежно элементы казачьего быта. Исторический факт «Азовского сидения» представился моему воображению в том виде, как я начертил его, и вылился драматическими красками в драме моей «Азовские сидение» [26, с.45].

Другой современник вспоминал: «Я впервые увидел Кукольника в многолюдной и самой дальней нашей станице сидящим на базарной площади с описной книжкой в руках; через год и через два я встречал его не раз и в других станицах в Урюпинске, в Аксаке, в Калаче. Много лет спустя, когда я был у Нестора Васильевича в Таганроге, спросил его, что он делал там, на наших базарах: «Я, – говорит, – изучал тогда народный быт, нравы наших казаков, прислушивался к их говору, к их песням, чтобы передать все это в моем «Азовском сидении». [27]

Таким образом, можно сделать вывод, что выявленный Н. Кукольником казачий говор отличался от того, на котором говорила Россия в Москве и Петербурге. Естественно надо было искать другой путь. Надо было опираться на сделанное его коллегами в Украине.

Лексикограф, собранный Яворницким, опирался на около 1000 народных украинских песен [28, с.20], но эта работа была выполнена после 1888 года, и о ней Кукольник не мог знать. В московских архивах хранилась знаменитая переписка запорожцев с турецким султаном. Кое-какие сведения можно было найти в примечаниях к «Истории Малороссии» Н.Марковича, которые были им найдены в каком-то «патрикулярном архиве» в Гродно. И, конечно, книга учившегося у его брата в Вильно А.Скальковского «История новой Сечи», которая впервые была опубликована в 1838–1839 годах.

Маркевич, достаточно профессиональный на то время исследователь, автор «Украинских мелодий» (первое издание 1829) и собиратель украинских народных песен («Народные украинские песни, положенные на фортепиано – 1840, «Южнорусские песни» – 1857) оказал хорошее влияние на Кукольника.

Помочь Н. Кукольнику разрешить, хотя бы частично, поставленную им перед собой проблему помогло также то, что он был лично знаком не только с Н.Маркевичем, но хорошо знал и А.Лукашевича, издавшего в 1836 году сборник «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни», а позже – думы «Самийло Кишка» та «Козак Голота», а также выпускника Нежинской гимназии, этнографа А.Афанасьева-Чужбинского, автора книги очерков «Поездка в Южную Россию», 1861–1863.

И язык им был выбран. Это – так называемый «суржик». При этом не учитывалось утверждение современных российских литераторов, что во времена Переяславской Рады на Украине казаки уже говорили на диалекте староукраинском. Ничего не меняет то, что этот язык должен быть наречием того языка, на котором говорили жители Великого Княжества Литовского» (старобелорусского), так как речь идет о языке казачьем [29, с.4].

У Н.Кукольника нет прямых высказываний по этому языку. Там, где современные литераторы касаются этой проблемы, обычно цитируется высказывание Сенковского [30, с.204]. Однако – это мнение все же поляка, а не карпато-руса, предки которого были близки к староукраинскому языку и сохранили преемственность [31 с.15].

Вряд ли в 1850–1854 годах он мог стать на позицию, которую Гоголь выразил в беседе с О.Бодянским: «Нам, Осип Максимович, надо писать по русским, надо стремиться к поддержке его и упрочению одного владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня – язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан...» [32, с.4].

Н. Кукольник рассчитывал на дискуссию, выдвигая вопрос о судьбе Украины и ее языка. Был 1855 год. Ответить желательно было на вопрос, поставленный еще Гоголем: «Но чего можно было ожидать народу, так отличному от русских, дышавшему вольностью и лихим казачеством, хотевшему пожить своей жизнью? Ему угрожала утрата национальности, большее или меньшее уравнение прав с собственным народом русского самодержца» [33 с.83–84].

Но на намек Н. Кукольника никто не среагировал. «Сказание» даже не подверглось критике. Не было опубликовано ни одной рецензии, если не считать выступления Н.Г.Чернышевского в журнале «Современник» [34, с.30]. Здесь Чернышевский, выпускник Саратовской духовной семинарии, остался верен заветам Белинского, который, как считал Н. Кукольник, «никогда ничему не учился, писал и говорил по вдохновению, одушевляясь всегда на чужой счет» [35, л.3 об.].

Особенно меня умиляет высказывание Чернышевского по поводу украинского языка: Чернышевский подчеркивает, что Терешка у Кукольника говорит ломанным малорусским языком. Он «не умеет даже говорить правильным великорусским или малорусским языком...». А какими стихами изложены эти речи? Цитируя высказывания Терешки, Чернышевский заявляет: «Терешка, вероятно, воображает, что это народный русский или малорусский размер».

При этом Чернышевский не уточняет, что он имеет в виду под «правильным малорусским языком» и что такое «малорусский размер народного русского языка»? Если язык, современный ему, то спрашивается, а насколько серьезно это заявление? Соответствует он тому, на каком говорили украинцы в середине XVII века. Или он должен соответствовать «русинскому» языку, создавшемуся для карпато-русов в Австрии? Ответа Чернышевский не дает. К тому же, Чернышевский совершенно не

учитывает сложившуюся речь донских казаков начала XVII века. Она даже сегодня отличается от русского литературного языка. К тому же он не уточняет, имеет ли право украинский народ, который русское правительство в середине XIX века не признавало за нацию, иметь свой «правильный малорусский» язык?

Н. Кукольник, видимо, прекрасно знал, что в недалеком будущем ожидает Украину. А будущее было не радостным. В 1863 году министр Валуев цитирует в своем циркуляре поступившее к нему заявление: «Не было, нет и быть не может украинского языка». В 1876 году вступает в силу «Эмский Указ», запрещающий на территории России издавать литературу, газеты, журналы на украинском языке. Все было запрещено, а об украинской школе не могло быть и речи. Однако политика властей в украинском вопросе страдала отсутствием сколько-нибудь основательной деятельности не препрессивного свойства [36, с.144–145]. И предчувствия не оставляют Кукольника. В январе 1866 года уже упоминавшуюся дневниковую запись о планах «Азовских писем» Кукольник дополняет фразой: «...почти незаметно быстрого исправления, напротив, убеждения печальны, надежды плохи, надобности движения приближать их по срокам увеличиваются, а я по-прежнему калека, да еще одолеваемый самыми черными мыслями, снами и предчувствиями» [37, л.5].

Кукольник жил идеей единства, которая воспета в «Слове о полку Игореве», и прекрасно понимал, что вроде бы на одном и том же языке говорили тогда на Черной, Белой и Червоной Руси и на Украине, и на Руси Московской, но все же это были фактически разные языки. И эти языки возникали постепенно, как следствие динамики своего развития в постоянно меняющихся исторических условиях. И украинский язык, как его назовут позднее, означал рождение еще одной славянской народности в силу своего естественного развития, обретения новой лексики, синтаксических конструкций – в связи с взаимодействием с другими языками.

Источники и литература

1. Черный И.В. Малая проза Н.В.Кукольника. – Харьков, 1996.
2. Кукольник Н. Зеленая книжечка. // Русская старина. – 1908. – март.
3. Кукольник Н. Альф и Альдона. – СПб., 1841. – Т. 1.
4. Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки. – Ч.1. – Украина // Київське музикознавство. – К., 2000. – Вип. 4.
5. Н.Кукольник. Максим Созонтович Березовський. Исторический рассказ // Альманах «Сказка за сказкой». – Т.4. – СПб., 1844.
6. Гусьнай И.И. Языковый вопрос в Подкарпатской Руси. – Пряшев (Словакия), 1921. Эту же мысль находим мы в двухтомнике «Історія Києва». – К., 1960. – Т.1, где в примечании на стр.169 сказано «Тодішня офіційна слов'янська мова була просякнута елементами української мови і перебувала під її впливом»
7. По данной тематике библиография очень обширна. Работая над настоящей статьей, я в первую очередь использовал статью А.В. «На каком языке написано «Слово о полку Игореве» // 2000. – К., 2005, а также «Повесть временных лет» // Памятники литературы древней Руси, XI – начало XII. – М., 1978, и материалы Форума Ю.Тимошенко, <http://5tv.com.ua/newsline/179/20/28533>
8. Кукольник.Н. Рецензия «Репертуара» и «Пантеона» // Русский вестник. – 1841. – Т. 1.
9. Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. – Саратов, 2001.
10. Кожедуб А. Между Востоком и Западом Флорентийская уния // Литературная газета. – 2006. – № 18. – 5–16 мая.
11. Гаврилюк Ю. Холмская Атлантида // День. – 2005. – № 173-174. – 23 сентября.
12. Ільїн О. Хто написав поеми «Енеїда навиворіт» і «Тарас на Парнасі»? // Сіверянський літопис. – 1999. – № 3.
13. Н.А.Маркевич. Дневник // Воспоминания о Тарасе Шевченко. – К., 1988.
14. ОР РНБ. – Ф. № 391 (Краевского). – Оп. 1. – Д. 405.
15. Некролог // Полицейский листок Таганрогского градоначальника. – 1868. – № 0157/13. – 14 декабря. – Здесь в некрологе сообщается о публикации в «Русском Вестнике № 3 за 1868 г., которая названа «предсмертным произведением».
16. Кукольник Н.В. «Каролина». Повесть из времен Екатерины II // Альманах «Сказка за сказкой». – СПб., 1842. – Т.3.
17. ОР ИРЛИ. – Ф. 371 (Кукольника). – Д. 3.
18. Красников Е., Каревин А. Чертовщина под украинским соусом // Горловка – 2002.
19. Кукольник Н.Азовское сидение, Историческое сказание в пяти действиях и девяти картинах. – СПб., 1855.
20. Бурлака В. Борьба донских и запорожских казаков за Азов в 1637–1641 гг. // 2002. – № 14.
21. Сарнов Б. Да здравствует самовыражение // Библиотека «Огонек». – Кому улыбался Блок. – 1988. – № 21.
22. Кулиш П. Записки о Южной Руси. – М, 1859. Известно, что для своих «Записок о Южной Руси» Кулиш разработал собственную грамматику, позже получившую название «Кулишовка», которая давала возможность писать так как говорят люди на Украине. Кукольник, судя по выявленному в «Азовском сидении», такую задачу перед собой не ставил, хотя книгу П.Кулиша имел в своей библиотеке. Считать обращение к украинскому языку в «Азовском сидении» полемическим, направленным против идей Кулиша никаких оснований нет (Кулиш выступил на 4 года позже), но к дискуссии Кукольник приглашал.

-
23. Н.Кукольник. Мои задушевные записки (рукопись, 1857) // ОР РНБ. – Ф. 402. (Кукольника). – Опись 1. – Д. № 1.
 24. Жаботинский В. О языках и прочем // Избранное. – Иерусаслим–С. – Рупрінт – Петербург, 1992.
 25. А.В. На каком языке написано «Слово о полку Игореве» // 2000. – К., 2005.
 26. Н.Кукольник. Записные книжки. Цитируется по М.И.Глинка. Полное собрание сочинений. – М., 1978. – Т.2.
 27. Неизвестный автор. «Азовское сидение» (рецензия) // РГАЛИ. – Ф. 838. – Оп. 1. – Д. 66.
 28. Предисловие М.Олійник-Шубравської к книге Д.Еварницкого «Запоріжжя в залишках старовини и переказах народу». – К., 1995.
 29. А.Воронцов. Гоголь, Украина и Россия // Литературная газета – 2007. – № 10. – 14–20 марта.
 30. Цибаньова О. Євген Гребінка. – К., 1972.
 31. Гусьнай И.И. Языковый вопрос в Подкарпатской Руси. – Пряшев (Словакия), 1921. Об этом (относительно языка «белых хорватов») говорит и А.Абакумов в статье «На каком языке написано «Слово о полку Игореве» // 2000. – К., 2005.
 32. А.Воронцов. Гоголь, Украина и Россия // Литературная газета. – 2007. – № 10. – 14–20 марта. Рассуждая об истории украинского языка и цитируя Н.Гоголя, автор допускает много неточностей. Забывая об истории всего вопроса в целом, автор местами делает ошибочные выводы.
 33. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. – Л., 1952. – Т. 10.
 34. Чернышевский Н.Г. Рецензия «Азовское сидение» // Современник. – 1855. – № 6.
 35. Н.Кукольник. Вопросы русской жизни (рукопись). – Ф. 371. – Ед. хр.54.
 36. Шимов Я. Габсбургское наследие Западной Украины // Отечественные записки. – М., 2007. – № 34 (1).
 37. ИРЛИ. – Ф. 371. – Ед. хр. 3.; ИРЛИ. – Ф. 371. – Ед. хр. 3.

Summary

The report is devoted to product of Russian writer Nestora of the Puppeteer « the Azov sitting ». It is considered(examined) as the writer who has negatively responded about "Кобзаре" Shevchenko, transfers informal conversation of characters in the Ukrainian language. One Ukrainian song which is sung in a course of action by one of heroes of a drama understands, and is shown, that the author is not realized, involuntarily, in обмолях, revolutions and other receptions as though blabs out in the love to Ukrainian people and its language. Review Чернышевского « the Azov sitting » which reproaches the Puppeteer with unwillingness to use « correct малорусский language » is considered also. As has shown the analysis дневникової (not published till now) N.Kukol'nika's records, he invited to debate on destiny of Ukraine so imperial authority did not recognize Ukrainian people for the nation.

УКРАЇНСЬКИЙ ХУДОЖНІЙ ПЕРЕКЛАД В ІСТОРИЧНОМУ ВІМІРІ

Перекладацька справа супроводжує всю історію людства, впливає на розвиток і становлення національних літературних мов. Відомо, що перші перекладачі-професіонали з'явилися на півдні сучасного Іраку і в Давньому Єгипті ще в кінці IV – початку III тисячоліття до н.е. Фундатором теорії художнього перекладу вважають давньоримського політика, літератора, філософа, неперевершеного оратора Марка Тулія Цицерона. Саме він найпершим скриптував послівний переклад як прояв непрофесіоналізму. У Давньому Римі художній переклад розглядали як особливий різновид літературної діяльності.

У ХХ столітті з теорії перекладу опубліковано чимало наукових праць, починаючи з брошури «Принципи художнього перекладу» (1919р.), книги А.Фінкеля «Теорія і практика перекладу» (1929р.) та книги А.Федорова «Вступ до теорії перекладу» (50-ті роки). Значний внесок у розвиток загальної теорії перекладу зробили Л.Бархударов, Б.Беляєв, А.Вежбицька, Є.Верещагін, С.Влахов, В.Гак, Г.Гачечиладзе, Ю.Львін, О.Каде, І.Кашкін, В.Комісаров, В.Кухаренко, Л.Латишев, А.Лілова, М.Літвінова, В.Маслова, Р.Міньяр-Белоручев, Л.Мурзін, Ю.Найда, Я.Рецкер, М.Сорока, С.Флорин та інші. Проте лишаються неоднозначно розв'язуваними важливі теоретичні проблеми: До якої групи філологічних (лінгвістичних чи літературознавчих) наук треба віднести перекладознавство? Як кваліфікувати перекладознавство? Як долати проблему лакунарності у процесі перекладу насамперед художнього тексту?

У нашій попередній роботі, оприлюдненій на секції №8 «Теорія і практика перекладу» на XVI Міжнародній науковій конференції «Мова і культура» (25-27 червня 2007р., м. Київ), ґрунтовно висвітлено специфіку вторинного тексту, породжуваного на базі вихідного в умовах міжкультурної комунікації (на матеріалі аналізу українських перекладів поезії У.Шекспіра). Мета цієї роботи – висвітлити в історичному вимірі і в процесі літературно-естетичної комунікації здобутки й специфіку художнього перекладу як важливого чинника функціонування української літературної мови.